

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ МИНЦ, РЕДАКТОРЕ И ВДОХНОВИТЕЛЕ ТАРТУСКИХ "БЛОКОВСКИХ СБОРНИКОВ"

А.В.ЛАВРОВ

9-й "Блоковский сборник" был посвящен памяти Дмитрия Евгеньевича Максимова, нашего общего с Зарой Григорьевной Минц учителя, ушедшего из жизни 13 марта 1987 года. Минуло три с половиной года, и пришла еще одна скорбная весть. 31 октября 1990 года весь университетский Тарту прощался с Зарой Григорьевной, скончавшейся в Бергамо (Италия) 25 октября на 64-м году жизни (она родилась 24 июля 1927 г.). Весть о ее кончине была неожиданной и ошеломляющей: казалось, впереди у нее еще годы плодотворного и неутомимого труда, осуществление давно выношенных замыслов и рождение новых, новые книги, новые публикации, новые ученики... 9-ый "Блоковский сборник", однако, оказался последним, который Зара Григорьевна увидела вышедшим в свет. Приходится подводить предварительные итоги.

В 9-м "Блоковском сборнике" напечатан очерк В. А. Каменской и З. Г. Минц "Первый блоковский (диалог-воспоминания)", в котором рассказывается о работе блоковского семинара на филологическом факультете Ленинградского университета, организованного Д. Е. Максимовым в 1945-1946 году. Зара Григорьевна была в числе наиболее активных участниц этого уже ставшего легендарным семинара. В период, когда имя Блока было более чем сомнительным и даже опасным, а о символизме требовалось отзывать почти непристойными ругательствами, когда идеология и эстетика, провозглашенные товарищем Ждановым, двигались своим победоносно-разбойным державным шагом, когда под красным знаменем борьбы с "космополитизмом" шельмовались не просто замечательные научные достижения, но самые основы профессиональной и человеческой порядочности, семинар Максимова был своеобразным оазисом подлинной культуры, интеллигентности, знания. В нем начала формироваться исследовательская школа, которая в последующие, более благоприятные годы получила свое плодотворное развитие и ныне во многом определяет подходы к изучению литературы "Серебряного века" и ее пониманию. "И для того, чтобы создать школу, потребовалось не только много усилий, но и суровая сила любви к поэтической культуре нач. XX века, которая одна могла объяснить упорную готовность каждый раз с каждым новым второкурсником начинать

все заново, вновь проходить весь путь от элементарного раскрытия смысла блоковских строк до глубокого разговора с молодым ученым как с равным, коллегой". Эти слова, сказанные Ю. М. Лотманом применительно к Д. Е. Максиму (1), можно с полным основанием отнести и к З. Г. Минц, воспринявшей от своего учителя не только высочайшие профессиональные навыки, но и способность передать их другим, вовлечь других в сферу своих исследовательских интересов, превратить тянущегося к литературе начинающего студента в филолога-специалиста. За годы работы Зары Григорьевны в Тартуском университете ею подготовлены многие высококвалифицированные ученые, нередко начинавшие свою профессиональную деятельность на страницах "Блоковских сборников". Одиннадцать сборников, комплектовавшихся и редактировавшихся З. Г. Минц, — не просто весомый вклад в блоковедение, это — зримое и полноценное осуществление тех исследовательских принципов, которые в изучении русской литературы рубежа XIX-XX веков еще только начинают утверждаться.

Подобно максимовскому блоковскому семинару, тартуская школа в 60-70-е гг. реализовывала себя во многом вопреки спускавшимся "свыше" установкам, и это не в последнюю очередь относится к деятельности З. Г. Минц и ее ближайшего научного окружения. Александр Блок к тому времени из "спорной" литературной величины уже превратился во вполне бесспорную, но известный диктат в трактовке этой величины и определении удельного веса ее составляющих существовал и проявлял себя на каждом шагу. Жизнь и идейно-творческая эволюция Блока почти повсеместно расценивались, по меткому определению Д. Е. Максимова, как "нечто напоминающее победоносно-маршевое восхождение к заранее известным рубежам" (2). От такой "похвалы" Блок страдал едва ли не больше, чем от хулы. Литература о Блоке появлялась в изобилии, но оставалась, за немногими исключениями, на редкость "непитательной". Одержимые "классовой" методологией литературоведы прилежно конвоировали поэта к предустановленному лучезарному финалу, потарапливали на пути, не давали оглядываться назад и по сторонам, отесняли нежелательных спутников, давали в подмогу других, идеологически "выдержанных", и в результате препарированный подобным образом Блок послушно плелся по расчищенной дороге вслед за своими двенадцатью красногвардейскими апостолами. "Вооруженное" блоковедение создало своего Блока — который не жил, не творил, а осуществлял свой "подвиг", боролся с декадентством, с символизмом, с религиозным мракобесием, с врагами Октябрьской революции, гамаюном паря при этом в недостижимых высях над своими ничтожными соплеменниками—

современниками. Сборники, подготовленные Зарой Григорьевой Минц, не открывались пространными методологическими декларациями, но всей совокупностью своего содержания отвергали — молчаливо и красноречиво — подобную "исследовательскую" практику, противопоставляя наглой демагогии честную, скромную и веселую науку. Они оказались первым в нашей стране серийным изданием, которое видело своей задачей — ни много ни мало — воссоздание подлинного облика Блока и той литературной эпохи, которую он отразил в своем творчестве.

1-й и 2-й выпуски "Блоковского сборника", вышедшие в свет, соответственно в 1964 и 1972 году, — объемистые тома, еще не сведенные, как последующие выпуски, к листажному лимиту "ученых записок", — явились в свое время значительным событием в нашей филологической жизни. Они открывали, по сути, неизвестного Блока — в его живых, органических связях со своим временем, в реальной сложности его творчества, в тех аспектах и проблемах, о которых многие до того даже и не подозревали. Впервые в этих книгах можно было прочесть о взаимоотношениях Блока с М. Кузминым, В. Розановым, Е. Ивановым, Л. Семеновым и другими его современниками, вокруг имен которых на протяжении десятилетий в нашем литературоведении существовал заговор молчания. В последующих выпусках З. Г. Минц упорно стремилась продолжить намеченную традицию: программным можно считать заглавие 3-го сборника — "Творчество А. А. Блока и русская культура XX века". Познание Блока путем изучения его многообразных взаимосвязей с эпохой, духовных и творческих истоков, самых структурных основ его художественной личности, поэтики его произведений, — таковы основные направления исследовательских работ, появлявшихся в "Блоковских сборниках". По видимости "контрабандой" в них печатались и статьи о писателях "Серебряного века", внешне с блоковской проблематикой не соприкасавшиеся, но по существу оказывавшиеся вполне уместными: они уменьшали число белых пятен на географической карте той эпохи, которой всецело принадлежал Блок. Еще до самого недавнего времени уважительное обращение к именам литературных изгоев считалось не похвальным изучением малоизвестного, а наказуемой инициативой, своего рода партизанским делом чести, доблести и геройства. Последние качества приходилось на самом деле проявлять главным образом редактору "Блоковских сборников", с подлинной отвагой рисковавшему переводить заведомый литературоведческий "самиздат" в печатное слово. И Зара Григорьевна помогает нам задним числом самоутвердиться: ведь многое из того, что и как сейчас всем позволяли говорить, мы и раньше позволяли сами себе под сурдинку говорить — со страниц тартуских изданий.

"Блоковские сборники" – главное детище З. Г. Минц, всю жизнь много и чрезвычайно плодотворно занимавшейся изучением прежде всего Александра Блока. Всегда устремлявшаяся навстречу новым темам и замыслам и пренебрегавшая соблазнами личного научного честолюбия даже самого благородного толка, Зара Григорьевна так и не успела – или не захотела? – уделить определенную толику своих сил на то, чтобы собрать воедино хотя бы малую часть своих блоковедческих исследований. Общая же их совокупность составила бы несколько внушительных томов – и объемом, и качеством "томов премногих тяжелей", написанных на ту же тему. Это – и четыре выпуска "Лирики Александра Блока" (Тарту, 1965–1975) – первый в нашей филологической науке скрупулезный анализ поэтики стихотворений Блока и структурной организации блоковских циклов, рассмотренных в аспекте идейно-эстетической эволюции автора, эта работа была издана на ротапринте незначительным тиражом и до сих пор, к сожалению, малоизвестна даже в профессиональной среде. Это – и докторская диссертация З. Г. Минц о творчестве Блока и традициях русской классической литературы XIX века, о содержании которой можно судить по ряду ее фундаментальных статей ("Блок и Пушкин", "Блок и Гоголь", "Блок и Достоевский" и др.), показывающая всю глубину и многообразие воздействия русской классики на творчество Блока и выявляющая в нем огромный пласт "чужих" тем, аллюзий и реминисценций, эта поистине замечательная работа до сих пор не издана в полном объеме. Это – и итоговая статья о Блоке в 4-томной "Истории русской литературы", подготовленной Пушкинским Домом, и масштабное исследование "Блок и русский символизм", в котором духовное и творческое развитие поэта впервые было досконально проанализировано в тесной связи с философско-эстетическими основами того литературного направления, к которому он принадлежал. Это – и целый ряд работ теоретического плана, затрагивавших творчество Блока в связи с осмыслением общих культурологических проблем ("Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока", "О некоторых "неомифологических" текстах в творчестве русских символистов", "Об эволюции русского символизма" и др.). Это – и многочисленные публикации творческого наследия Блока, переписки поэта, воспоминаний современников о нем, это, наконец, – комментарии к стихотворениям Блока, подготовленные Зарой Григорьевной для академического полного собрания сочинений поэта, которые ей так и не суждено было увидеть опубликованными... Едва ли можно среди современных блоковедов назвать другое лицо, которое бы в большей степени способствовало превращению Блока из поэта воспеваемого в поэта изучаемого и уже во многих отношениях изученного.

С годами кругозор исследовательских интересов З. Г. Минц все более расширялся, в поле ее зрения оказывался весь русский символизм, а также его предшественники и наследники. И в этом отношении ей не раз приходилось сказать веское первое слово, звучавшее особенно сильно и выразительно на фоне привычного безмолвия о тех темах, за которые она отваживалась браться. Еще в 1974 году, за пятнадцать лет до того момента, когда имя величайшего русского мыслителя зазвучало в нашей стране в полный голос, она выпустила в свет в "Библиотеке поэта" том "Стихотворений и шуточных пьес" Владимира Соловьева. Не менее дерзновенным было появление в 1981 году в 4-м "Блоковском сборнике" ее большой статьи—публикации "А. Блок в полемике с Мережковскими", включавшей тексты писем Мережковского и З. Гиппиус к Блоку и честный, беспристрастный анализ их взаимоотношений, — и это в то время, когда из исследовательской литературы порой изымались даже нейтральные, мимолетные упоминания самых имен Мережковских и Гиппиус. З. Г. Минц пишет о Вл. Пясте, Л. Семенове, И. Коневском, Вяч. Иванове, Андрее Белом, Ф. Сологубе, Е. Гуро, О. Мандельштаме... Последним ее значительным трудом стало научно подготовленное издание трилогии Д. С. Мережковского "Христос и Антихрист".

В 9-м "Блоковском сборнике" напечатана работа "Статья Н. Минского "Старинный спор" и ее место в становлении русского символизма". А в программу очередной научной конференции в Тарту весной 1991 года, посвященной 70-летию со дня смерти Блока, она предложила включить новую общую проблему: "Советская лагерная поэзия и наследие символизма"; со своими конкретными разработками, касающимися этой темы, Зара Григорьевна успела ознакомить аудиторию международного славистического конгресса в Харрогейте (Англия) в июле 1990 года. Русский символизм в его истоках, развитии и позднейших отголосках, осмысленный сквозь личность крупнейшего выразителя этого литературного направления и под знаком общей судьбы нашего трагического века, — таков диапазон исследовательских интересов и свершений Зары Григорьевны Минц. Мы должны увидеть ее новые книги. Работы, которые войдут в них, не устареют: писались они не на потребу времени, а научной — и жизненной — истины ради.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю.М. Поэзия науки (К 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова) // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735. Блоковский сборник VII. — Тарту, 1986. — С.5.
2. Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. — Л., 1981. — С.142.